

Н. Я. ГАБАРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ТРЕВОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Судьба языка в перспективе не всегда определяется его нынешним положением. Несмотря на свое прочное место как у своих носителей, так и среди других, главным образом, родственных языков, он может оказаться в силу от него не зависящих обстоятельств в тревожной ситуации. Примеров много. Об этом свидетельствуют в первую очередь судьбы мертвых языков. Эту истину могут подтвердить и многие еще живые языки. Одним из них является осетинский язык. «Несмотря на недостаток старых письменных памятников, прошлое осетинского языка поддается обозрению на протяжении более 2000 лет. Мы видим, как в течение этого огромного периода язык жил, развивался, изменялся, и как в жизни языка отражалась жизнь народа»¹, – пишет В. И. Абаев о былом расцвете языка.

В последнее время СМИ настойчиво привлекают общественное мнение к функциональному положению осетинского языка. Раздаются тревожные высказывания по поводу резкого падения не только официальной его роли как государственного языка, но и как простого рабочего средства общения соплеменников. К сожалению, многочисленные призывы энтузиастов содержат лишь искренние эмоции вместо каких-либо деловых предложений по восстановлению общественной роли нашего языка. Увы, нет смысла, да и резона винить кого бы то ни было в сложившейся ситуации, даже тех, кто давно «изменил» родному языку в пользу неродного.

Язык – любопытный феномен. Он, в отличие от любого орудия труда, от интенсивного использования ничего не теряет из своих качеств, не изнашивается. Наоборот, чем больше им пользуются, тем больше крепнет, делается мощнее. Силен тот язык, у которого нет конкурента, который является единственным средством общения людей. И он таким может быть только в том случае, если его носители рискуют задохнуться, лишенные возможности выдохнуть рвущуюся наружу речь.

Это идеальное условие для функционирования языка. Но это идеально и потому нереально. В наш стремительный век при буйном смешении народов, при развале межгосударственных границ, при предельной толерантности разношерстных племен языки малых народов загнаны в тесный угол как бы общего загона. В таком тесном загоне не могут мирно, в любви и согласии существовать лев и кролик, даже если лев не будет проявлять агрессивности.

Почти каждый человек – патриот родного языка, и тем не менее национальные языки в массовом порядке пополняют списки отмирающих языков. В свое время газета «Аргументы и факты» опубликовала вот такую информацию: «Невероятно. Почти трети из существующих в мире 6,8 тысяч языков грозит вымирание. На 3,5 тысячах современных наречий говорит не более 50 человек. А 46 языков имеют только по одному носителю»².

Каждый человек как бы надеется: «Меня минует чаша сия». Мы, осетины, не знали, что наш язык может попасть в тот горестный список, пока телевидение Республики Северная Осетия-Алания не оповестило своих телезрителей об этом, пользуясь информацией ЮНЕСКО.

Нынешнее состояние осетинского языка есть результат т.н. двуязычия. Проблемы билингвизма существуют во многих районах и странах мира, «существуют они и в бывших республиках Советского Союза – в условиях свободного развития наций, национальных культур и национальных языков. Изучение билингвизма – одна из актуальных проблем современного языкознания»³. Так подкупающе говорилось о двуязычии.

Показательно, что о положительном для местных языков значении двуязычия громче всех говорили представители местной интеллигенции. Известна роль России, русского языка в развитии осетинской нации, осетинской культуры. Осетинский народ к общечеловеческой цивилизации приобщился благодаря России, да и язык, точнее, какая-то часть словарного фонда резко обогатился через русский язык. Вообще, Осетия на протяжении веков стремилась к тесному единению с Россией во всех сферах жизни, испытала и постоянно испытывает великую силу русского дружественного плеча.

Это – общеизвестные факты. Что касается двуязычия, то оно уже не вызывает оптимизма. Двуязычие в осетинской действительности оказалось настолько продуктивным, что осетинский язык заметно уступил не только в общественной жизни нации, но и в быту, в семье.

Термин **двуязычие** является главным словом, определяющим целый ряд отдельных типов контактирования языков: многоязычие, коллективное двуязычие, разноязычие, дивергенция, конвергенция, заимствование,

детское двуязычие, смешанный язык, язык с элементами смешения, гибридные языки и т.д. и т.п. Каждый из них обозначает своеобразный тип двуязычия (многоязычия). Так, например, термин **смешанный язык** «...применялся в случаях, когда налицо взаимопроникновение двух морфологических систем»⁴.

О двуязычии (многоязычии) накоплена огромная литература. В ней рассматриваются многочисленные типы последствий разных контактов языков. Подчеркивается, что «В различных странах и местностях возможности языкового общения между жителями колеблются в широком диапазоне от ситуации полной разобщенности, когда ни один из обитателей данной территории не понимает языка, на котором говорит другой, до такого положения, когда все они владеют некоторым общим языком, т.е. составляют речевой коллектив. Для числовой характеристики этих различий Гринбергом в 1956 году были предложены восемь «показателей разноязычия»⁵. Обращает на себя внимание такое множество «показателей». Справедливо считается, что «двуязычие является причиной смешения языков. Создание смешанного языка или языка с элементами смешения – это лишь вопрос степени»⁶. Вот этот фактор степени в каждом случае, в каждом языке является разным.

О двуязычии вообще и о характере двуязычия в частности В. И. Абаев писал: «Двуязычие у народов Советского Союза было довольно распространенным явлением до Октябрьской революции... Много двуязычных было издавна среди осетин, на севере – со вторым русским языком, на юге – с грузинским»⁷. По сравнению с современным двуязычием то было другое, особенно «со вторым русским». Последним владели только отдельные лица. Билингвизм в Осетии почти не знал взаимопроникновения, гибридных типов, смешанных языков и т.д. Сегодня осетинский язык пытается выжить, нисколько не влияя на второй язык. Это самая существенная особенность «осетинского» билингвизма сегодня.

Чтобы понять особенности «осетинского» двуязычия, чтобы определить его место среди обширного мира проявлений двуязычия (или многоязычия) вообще, сошлюсь еще на один пример, представляющий из себя как бы экзотический и потому крайний тип двуязычия. Это даже и не тип двуязычия, а упрощение одного языка, включающего некоторые лексические элементы из других языков. Получается нечто вроде странного жаргона. Одним из таких жаргонов является т.н. бич-ла-мар (beach-lamar). Вот небольшой образец из грамматики. Имена в бич-ла-мар не знают различий числа. При необходимости прибавляют слово all («все»): all he talk-«они говорят». Иногда вместо all используется fellow: me two fella – «мы»; me two fellow Lagia – «Я и Лагия». Слово fellow (fella)– многофунк-

ционально. Оно выделяет местоимение: *that fellow hat* – «та шляпа»; *this fellow knife* – «этот нож». Оно отграничивает прилагательное от существительного: *big fellow name* – «большое имя». Может употребляться при наречиях: *that man he cry big fellow* – «этот человек кричит громко»; при числительных: *ten fellow ten one fellow* – «сто один»⁸. Рядом с такой экзотикой осетинское двуязычие производит впечатление совершенно «примитивного», до предела простого двуязычия: народ изъясняется на русском языке и еще, уже с грехом пополам, на своем. Никаких сложностей, заимствований, взаимопроникновения и т.д. Обыкновенное забывание родного языка в пользу неродного.

Выше отмечалось, что об исключительной роли русского языка для развития осетинского с великим вдохновением говорили представители самой местной интеллигенции. И это наблюдалось во всех республиках и областях Советского Союза: «Вся сумма наших наблюдений, – пишет В. И. Абаев, – приводит к выводу, что влияние русского становится важнейшим фактором как структурного, так социального и функционального развития указанных литературных языков»¹⁰ (т.е. таджикского, осетинского и курдского языков – Н. Габараев). Время было такое, когда преобладали не столько чисто лингвистические соображения, сколько соображения конъюнктурные, политические. Нельзя, правда, отрицать и того естественного всплеска национальных, социальных, патриотических чувств, который был вызван Октябрьской революцией. Но понятный ажиотаж, ожидание преобразований в новой, революционной ситуации, скрыли возможные последствия двуязычия в Осетии. Вполне искренне утверждалось, что «Полвека советского периода, по-видимому, равны многим столетиям развития осетинского языка в дооктябрьскую эпоху. Революционные преобразования в жизни осетинского народа явились первопричиной разительных процессов, имевшихся и еще происходящих в осетинском языке»¹¹.

Подобное высказывание должно производить сильное впечатление, но если сравнить «полвека» с «многими столетиями развития» языка, то нетрудно представить неправомерность такого сопоставления, в особенности если иметь в виду реальные последствия двуязычия. Впрочем, в безбрежной литературе о двуязычии есть и «мягкие» определения этого явления: «Что такое билингвизм? Это функционирование двух языков на одной и той же территории, в одной и той же этнической среде. По-иному, это использование в процессе общения двух языков одним и тем же населением»¹².

Двуязычие есть причина отмирания языков малых народов. Язык, как правило, не умирает своей смертью, его убивает другой язык, оказавшийся в более выгодном положении.

Каковы последствия двуязычия в Осетии? Октябрьская революция всколыхнула всю Российскую империю и вовлекла Осетию в общий водоворот великих преобразований. В первые годы советской власти происходит пробуждение всех народов империи. В Осетии, как и в других регионах, скромная интеллигенция приступает к активной работе по приобщению своего народа к общечеловеческой цивилизации. Ликвидируется безграмотность, край покрывается сетью школ, налаживается книжное издательство, печатание периодики и т.д. Язык стал обслуживать новые запросы общества, вобрал в себя большое количество заимствованных слов из русского и через русский язык, в массовом порядке стали создаваться новые лексические единицы собственными средствами.

И литературный наш язык старался не отставать от стремительного движения других народов и пытался приноровить свой шаг к темпам развития окружающего мира. Влияние всего российского шло не только по линии пополнения лексики, но и, помимо всего другого, и по линии укрепления идеологического, классового самосознания.

Впоследствии обнаружилось, что пользоваться русским языком удобнее, чем своим. Выяснилось также, что почти ни один человек из контактирующих с осетинами народов не овладевает местным языком. Если в группе осетин есть хотя бы один иноязычный человек, то вся группа независимо от количества говорит либо на языке этого одного человека, либо на русском языке. Это, якобы, свидетельствует о способностях осетин к другим языкам. Но, видимо, это мало утешительно в сложившейся ситуации.

В то же время авторитетно заявляется, что «Язык представляет собой орудие, структура которого свидетельствует о том, что оно создавалось постепенно с целью удовлетворения потребностей общения и что его употребление в этих целях **гарантирует** постоянство его функционирования»¹² (выделено нами – *Н. Г.*). Оказывается, постоянство функционирования языка регламентируется другими (или другими тоже) обстоятельствами.

Патриоты родного языка уверовали и теперь верят в силу призыва: «Говорите по-осетински!» Они не понимают, что восстановить положение языка благими намерениями и словами убеждения невозможно. Жизнь сама диктует выбор языка, и каждый говорит так, как ему удобно. В связи с этим возникает вопрос: кто хозяин языка, кто его оберегает, кто печется о нем? Оказывается, нет у него защитника. Осетинская пословица гласит: æхсæны мард æнæ ныгæд («Общественный, т.е. общий покойник (остается) непохороненный»). Положение языка в этом отношении похоже на наше отношение к воздуху. Он необходим, но никто не заботится о

нем: он общий и потому ничей. Все материально нужное имеет стоимость. Воздух не имеет ее. Правда, люди не твердят постоянно, что он великое богатство, а о языке все говорят, что он великое достояние. Вот стихотворение И. А. Бунина «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Язык объявлялся даже божьим даром: «Следует указать на теорию божественного откровения, которая всецело основывается на библейских легендах и притчах, основной смысл которых: язык был открыт (отсюда «откровение») богом в раю легендарным Адаму и Еве. Широкую известность приобрела притча о вавилонской башне (вавилонское столпотворение), повествующая о причинах многоязычия»¹⁴.

Но если язык – великое богатство, достояние, дар божий и т.д., то он должен стоить сколько-то. Язык состоит из слов и если он стоит чего-то, то возникает естественный вопрос: сколько же стоит одно слово? В складках кармана затерялся рубль. Он – мелочь, ничего не стоит, но мы все же обращаем на него внимание. Осетинский язык потерял сотни, тысячи слов в темных закоулках истории. Но никому от этого не было больно. В связи с этим возникает другой вопрос: на рынке все слова имели бы одинаковую стоимость? В «Частотном словаре», например русского языка, на миллион слов слово *умнеть* встречается только один раз, а слово *говорить* – 2600 раз. Значит, слово *говорить* стоило бы в 2600 раз дороже?

Слова, разумеется, не равноценны даже в языке, теряющем свою былую функциональную роль. И самые «дорогие» слова чаще встречаются в речи всех говорящих. «Недорогие» слова употребляются по-разному людьми, владеющими языком в разной степени. Активный лексический фонд у некоторых говорящих лиц ограничен 200-300 слов. Но статистика особенно жестко высвечивает тех, кто вообще уже не говорит по-осетински. Таких, к сожалению, много. Что касается говорящих, то они достаточно разнообразны по степени владения языком.

Отмечаемые ниже моменты должны показать практическое исполнение языком своих функций. Вслед за констатацией досадного факта

наличия большого числа населения, не владеющего своим языком, следует взглянуть на горестную участь осетинских чисел. Можно сказать, что живая речь потеряла их и вместо них пользуется русскими названиями. Это явление из ряда вон выходящее. Имя числительное как часть речи является грамматической категорией морфологии. Отколовшись от нее, оно оставило в грамматике зияющую брешь, не заполненную числительными русского языка. Дело в том, что любые заимствования совершенно свободно входят в систему осетинского словоизменения. Числительные русского языка такой адаптации поддаются с трудом и не до конца. Особенно десятки, сотни и дальше. Вообще осетинские числа до двадцати еще можно услышать, но и здесь имеются странные ограничения. Легко можно сказать, например, *фондз сомы* (пять рублей), вряд ли скажет кто *даес сомы* (десять рублей) или *ссæдз сомы* (двадцать рублей).

Показательно, что в осетинской речи число обычно за собой может тянуть и русское название исчисляемого предмета: *двадцать штук, пятьдесят рублей, сто учеников. Скъолайы ахуыр кæны сто двадцать ученикай фылдæр.* (В школе учится больше ста двадцати учеников).

В числительных различаются 2 счета: десятичный и двадцатичный, усвоенный из кавказского мира. Десятичный счет (свой, индоевропейский) в свое время был вытеснен двадцатичным счетом, но в 20-е годы был обнаружен в горах у пастухов и восстановлен официально главным образом в системе образования, вещании, в печати. В устной речи продолжал функционировать, да и сейчас встречается в речи старшего поколения сельской местности двадцатичный счет¹⁶.

В двадцатичном счете сохранялись осетинские названия всех чисел. Позаимствовалась только структурная схема сложных чисел, но не полностью. Так выглядят схемы счетов, например, в двадцатичном счете в осетинском языке $2 \times 5 \times 20 + 9 + 3 \times 20$ (дыууæ фондзыссæдзы æмæ фараст æмæ æртисæдз) и, например, в грузинском: $2 \times 100 + 3 \times 20 + 9$ (oras samocda sxra).

Для сравнения с десятичным счетом:

в русском языке $2 \times 100 + 6 \times 10 + 9$ (двести шестьдесят девять)

в осетинском $2 \times 100 + 60 + 9$ (дыууæсæдæ æхсай фараст).

Чтобы назвать какое-либо число выше двадцати, почти каждому осетину приходится в бессильном напряжении пытаться перевести его на осетинский язык. Никому неохота напрягаться.

Парадокс: на собраниях, совещаниях при обсуждении проблем осетинского языка, осетинской литературы рабочим языком является русский. И никого это не смущает.

Другой парадокс: работник телевидения, беря интервью у осетина – чиновника, интеллигента, министра, фермера, водителя – задает вопросы

по-осетински, а ему отвечают по-русски. И это тоже никого не смущает, хотя русская речь далеко не всегда бывает безупречной.

И еще: в своей осетинской речи бесконтрольно используем чужие, «незаконные» слова. Образец: «Аградайæн краска куы ссарай хозяйственни магазины, уæд-иу æй демæ рахæсс виходнойты, афтæ перви-второй числоты. Пъажалыстæн, ма дæ байрох уæт шпакловка æмæ кисттæ дæр». Грамматика текста осетинская, поэтому его надо перевести: «Если в хозяйственном магазине найдешь краску для оград, то прихвати ее с собой в выходные дни, так числа первого-второго. Пожалуйста, не забудь шпаклевку и кисти тоже».

В городах Северной Осетии в общественных местах человек не рискует обратиться к кому-либо по-осетински: чуть ли не половина осетин не владеют своим языком, а неосетины, составляющие тоже около половины населения, совершенно не считаются с языком аборигенов.

Осетинский язык уступает свои позиции в быту, в семье, т.е. там, где он всегда прочно господствовал. Остается сознавать, что ему больше нигде функционировать.

Исключительно редко сохраняется осетинская речь в семьях, покинувших родину.

Таковы (и не только) плоды двуязычия – билингвизма.

А без языка люди есть, а народа нет, нет нации.

Двуязычие – благо для местного языка, пока язык-пришелец не начнет вытеснять язык аборигенов.

Проблема развития языка. Проблема эта с первого взгляда кажется простой и понятной. Однако здесь всплывает целый клубок любопытных вопросов. Что такое развитие языка? Означает ли всякое изменение в языке его развитие? Русский язык, начиная с XI столетия, утрачивает звательный падеж¹⁷, утрачивается он и в осетинском¹⁸, а в грузинском сохраняется¹⁹. Проявление категории одушевленности / неодушевленности в русском языке привело к тому, что стало правилом местоимение *кто?* употреблять применительно не только к лицам, но и ко всем живым существам от таракана до слона²⁰. В осетинском вместо этого функционирует категория лица / нелица и вопрос *чи?(кто?)* может адресоваться только к лицу, и это, видимо, более оправданно²¹: не совсем реально, показывая на животное (на слона, кролика, таракана), задавать вопрос: это кто такой?

Таких вопросов бесчисленное количество и неясно, как совместить их с понятиями развитость / неразвитость.

О проблеме развития языка написано очень много. Некоторые исследователи изменения в языке понимают очень широко, вплоть до того, что говорящий и слушающий одно и то же слово произносят (или могут произносить) несколько по-разному²². Другие основное внимание уделяют разграничению двух типов законов развития языка: внешних законов развития и внутренних. И насколько суждения о первом из них просты и очевидны, настолько вторые туманны и спорны.

Изменения, происходящие по внешним законам, видны, как говорится, невооруженным глазом: они могут быть следствием контактов с другими языками, достижениями в производстве, науке и т.д.

В осетинском языке действие внешних законов развития проявилось в проникновении в наш язык т.н. кавказских согласных звуков *къ, нь, ть, чь, ць*... В литературе настойчиво подчеркивается, что против иноязычного влияния наиболее стойкими оказываются фонетика и грамматика. Эта точка зрения, видимо, правильная и заимствование указанных кавказских согласных должно свидетельствовать об исключительно тесных и длительных контактах осетинского народа с кавказскими. Об этом же говорит усвоение осетинским языком структурного типа русского сложноподчиненного предложения с придаточным определительным при подчинительном союзе *который* («кацъ»), о котором говорилось выше.

Разговоры о внутренних законах развития стали очень популярными после дискуссии по языкознанию в 1950 году. И. Сталин выступил с критикой Н. Я. Марра и дал установки по вопросам о том, как развивается язык: «...главной задачей языкознания, – указывал И. В. Сталин, – является изучение внутренних законов развития языка»²³. С этого времени благодаря авторитету и жесткому характеру И. Сталина внутренние законы развития языка стали чуть ли не судьбоносным явлением для народов Советского Союза.

Из разнообразных туманных толкований можно сделать вывод, что внутренние законы развития должны выявлять непосредственные причины того или иного изменения в языке. Однако во многих высказываниях утверждается, что эти причины неуловимы. «...почему исчезло в русском языке двойственное число?» – ставит вопрос А. С. Чикобава и отвечает: «Прямой причины не указать»²⁴. В. В. Иванов признает, что причины изменения /e/ в /o/ (*село – села*), начавшегося с XII века, «до конца не выяснены»²⁵.

В фундаментальном исследовании Ю. Дзиццойты рассматриваются процессы изменения элементов всех уровней одного диалекта осетинского языка. Скрупулезный анализ большого материала объективно подводит каждый раз к общей проблеме законов развития языков. Ограничимся

одним примером. Анализируя «кударскую парадигму (*æз*) *шæу-дж-æн*, (*ды*) *шæу-дж-æ*, (*уый*) *шæу-джен-и(с)*», автор заключает: «Эта парадигма, видимо, возникла в течение последнего столетия, но когда зародилась точно, об этом по письменным материалам нельзя узнать»²⁶. Внешних мотивов нет, а внутренних, как чаще всего бывает, не видно.

В осетинском происходит замена формы множественного числа *-тæ* геминированным суффиксом *-ттæ* с заменой сильного гласного основы слабым /æ/ (*хал* – *хæлттæ*, *ком* – *кæмттæ*). Коста, Арсен еще писали цуанонтæ («охотники»). Сегодня в письме все чаще появляется геминированный суффикс *-ттæ*: *цуанæттæ* («охотники»). Медленно, но неуклонно согласные /г/ /к/ /къ/ заменяются в родительном падеже единственного и во множественном числе звуками /дж/, /ч/, /чъ/: *уæраг-уæрджытæ*, *карк-карчы*, *булкъ-булчъы*; *уæрджытæ*, *кæрчытæ*, *булчъытæ*.

Все это – результат действия мифических внутренних законов развития. Иногда у кого-либо из языковедов прорывается откровенная оценка этих самых законов: «Язык не существует вне индивидуумов, которые говорят (или пишут) на нем. Однако язык существует независимо от каждого отдельного индивидуума: он как бы навязывается им»²⁶.

Видимо, больше всего споров и противоречивых высказываний имеется по вопросам именно внутренних законов развития языка в широком диапазоне от сдержанных до крайне отрицательных. «...после лингвистической дискуссии 1950 года,– пишет В. И. Абаев,– стало модно говорить о «внутренних законах» развития языка как о решающем факторе языковой эволюции. Об этих «внутренних законах» было немало сказано и напечатано, но ясного впечатления, что собственно это такое, мы так и не получили. Более того, в понятии «внутренние законы» развития языка осталось что-то мистическое». И далее: «...кто апеллирует к «внутренним законам», обычно не могут указать конкретные причины каждого конкретного языкового изменения»²⁷.

Действительно, в литературе много суждений об этих законах, и создается впечатление, что одни из языковедов очень подробно и обширно пытаются разъяснить природу внутренних законов развития языка, но как будто что-то неясное мешает этому, как будто эти законы действуют сами по себе, без видимого участия носителей языка. «Лингвистические законы имеют **объективный** характер, т.е. их действие не зависит от воли и желания отдельных людей»²⁹. И постоянно возникает вопрос: от кого зависит? Кто творит? Видимо, это имел в виду В. И. Абаев, когда говорил о мистицизме.

На это сетуют и другие. G. L. Brook: «Было много попыток объяснить, почему изменяются звуки, но эти попытки не были вполне удачными»³⁰. В

том же духе высказывается и Л. Блумфилд: «Поскольку звуковое изменение – явление историческое, имеющее начало и конец, то причина его не может быть установлена на основе соображений универсального характера или наблюдений над говорящими в другие эпохи и в других местах»³¹.

Здесь же встает вопрос о том, как понимать развитие. Является ли осетинский язык развитым? Продолжает ли еще развиваться? Общее значение слова *развитие* толкуется применительно к любой субстанции: «Развитие – процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему»³². Такое толкование *развития* было бы более уместно, имея в виду производство, искусство, организм... И вообще, несколько затруднительно определять степень развитости языка, в сравнении или без сравнения с другими языками. Судить о большей или меньшей развитости языков по относительно ограниченным периодам их развития было бы неоправданно, а для сравнительной оценки применительно к итоговому их состоянию на современной стадии развития наука о языке не располагает никакими критериями»³³. Любопытно, что в осетинском нет удовлетворительных эквивалентов русских *развитие*, *развивать*. В словарях переводятся как *рапаракат*, *райтынг*; *рапаракат кæнын*, *райтынг кæнын*; *сытынг кæнын*³⁴. Но все они мало приложимы к языку, так как больше связаны с понятиями количества, размножения, усиления.

Понятие развития языка применительно к положению осетинского языка неопределенно. Вряд ли можно заметить какие-либо процессы развития в языке, который значится в списке отмирающих языков.

Проблема развития языка определенный интерес приобретает в связи со стихийностью различных явлений в языке. Тем не менее, эта сторона языкознания в лингвистической литературе почти не затрагивается. При анализе внутренних законов постоянно присутствует вопрос: кто сотворил? По чьей вине произошло? И, как правило, нет ответа. Кто упростил сочетание вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени на -л (например, азъ есмь читаль), сохранившего свое былое качественное значение в нескольких единицах типа *горе-л-ый*, *уста-л-ый*, в простую форму прошедшего времени глагола *читал* (-а, -о, -и)? Язык сотворил сам. Ради нашего собственного удобства опираемся на участие внутренних законов развития. Но законы сами не творят. По закону творит кто-то или что-то.

Стихийным, хаотичным было само зарождение, образование языка. И эта стихийность продолжается и в наше время. Легко можно видеть,

что в языке почти ничего не происходит по предварительному плану. Можно сравнить естественный язык с искусственным, например, с эсперанто: все существительные всех родов снабжены единым форматом **-o**: *studento*, *projekto*, *motoro*, *minuto*, *akvo* («вода»). Все прилагательные, порядковые числительные, причастия, притяжательные местоимения имеют общий показатель **-a**: *projekta* («проектный»), *minuta* («минутный»), *akva* («водный»), *unu* («один»), *-unua* («первый»), *mi* («я») – *mia* («мой»), *projektata* («проектируемый») ³⁵ и т.д.

Единообразие форм одного и того же грамматического явления по идее должно свидетельствовать о совершенстве языка. Неведомо, есть ли такой естественный язык в мире. Эсперанто сопоставимо с естественным языком только в плане его архитектурной планировки. Что касается выразительности, они несравнимы. Любой естественный язык до предела обогащен самыми разнообразными средствами, способами выразить тончайшие оттенки мыслей и эмоций. Осетинский язык в этом отношении пока пребывает, как говорится, на уровне мировых стандартов, несмотря на печальный вердикт ЮНЕСКО.

И в то же время, если с пристрастием заглянуть во внутренний мир языка, можно обнаружить такое, что при сравнении с эсперанто может показаться, мягко говоря, не совсем упорядоченным. В наших рассуждениях нас больше интересует осетинский язык. Заглядывая в него, легко заметить, что язык сам постоянно «редактирует» свою структуру, свою систему бесчисленных элементов. Показателем этого служит, например, удаление звательного падежа, от которого еще сохранились реликтовые *лагай*, *усаи*, *чызгаи*. Язык никогда не расстается с тем, что необходимо для общения. Следовательно, звательный падеж стал лишним. А может быть, он сначала был таковым и обрел жизнь по закону стихийности.

Последствиями стихийности в становлении языка являются, например, совпадение форм инфинитива и первого лица единственного числа глагола настоящего времени: *зон-ын* («знать») и (*æз*) *зонын* («Я знаю»). И этому правилу подчинены тысячи глаголов без исключения. Даже небольшое число таких слов как *цауын* («ходить»), *кауын* («плакать»), *хъауын* («хотеть»), *фауын* («кончиться») представлено разными формами в прошедшем времени: *цыди*, *куыдта*, *хъуыди*, *фаеци*. Большое число различия имеется в образовании множественного числа существительных: *бал* («стая») – *балтае*, но *хал* («былинка») – *халттæ*, *хъом* («стадо») – *хъомтае*, но *ком* («ущелье») – *каммттæ*, *куыдз* («собака») – *куыйтае*, *фындз* («нос») – *фындзтае* и т.д. и т.п.

С точки зрения иноязычного человека все это – непреодолимая сложность. Но есть и идеальное единообразие. Повелительное наклоне-

ние в осетинском образуется простым отбросом суффикса инфинитива: *базонын* («узнать») и *базон* («узнай»), *хæссын* («нести») и *хæсс* («неси»), *саразын* («сделать») и *сараз* («сделай») и т.д. Здесь имеется только несколько исключений: приведенные выше глаголы *цæуын*, *кауын*, *хъæуын*, *фæуын* тоже показывают свою особенность: *цу*, *ку*, *хъу*, *фæу*.

Единообразие форм одного грамматического явления должно быть положительным показателем любого языка. Выше говорилось об изменениях в языке. Можно было бы ожидать, что эти изменения с течением времени приведут ко всеобщей унификации всех явлений языка. Однако, зная о многовековом существовании языка, можно усомниться в такой возможности. Каждый язык имел достаточное время для создания идеальной упорядоченности, но, увы.

Ради справедливости следует сказать о явлениях в других языках. В русском последствий стихийности развития обнаруживается гораздо больше, чем в осетинском: здесь история языка разработана давно и подробно. Из языка ушло несколько склонений, целый ряд форм глагола, редуцированные гласные, в том числе дифтонги, ушел из языка закон открытых слогов и многое другое.

В современном русском языке много такого, что обращает на себя внимание. Можно указать на разное написание слов *цирк*, *циркуль*, *циник* и *цыган*, *цыпленок*, *цыпочки*. Десять слов на *-мя* производят впечатление случайной добавки к русской грамматике. Разнообразные формы инфинитива смущают воображение: *писать*, *нести*, *беречь*, *белить*, *белеть*, *крикнуть* и т.д. Осетинский в этом отношении, как было показано, представляет идеальную форму. Здесь совершенной предстает и система склонения. Она универсальна в том смысле, что склоняется все и по одному единственному образцу для все единиц, которые могут отвечать на вопросы *кто?* *что?* т.е. не только существительные и другие части речи, но и отдельные части слов, суффиксы, префиксы и даже отдельные звуки, как в единственном числе, так и во множественном. Язык стихийно, но правильно выбрал наиболее гибкую систему склонения. По сравнению со склонением русского языка, где существует понятие несклоняемых существительных, а склоняемые делятся на несколько типов, осетинский язык располагает склонением очень удобным и легким для иноязычного человека.

В связи с этим уместно заметить, что в осетинском такими же совершенными являются и многие другие грамматические системы, подсистемы, которые и обеспечивали жизнеспособность языка. При других, более благоприятных обстоятельствах этому языку не было бы износа.

Следует добавить, что стихийность развития языка, возникновение разных сложных систем и подсистем несколько не затрудняет процесс

общения носителей языка, потому что эти носители овладевают языком с молоком матери, без труда, как бы автоматически.

Что теряет человечество, если отмирает хотя бы один язык – надо полагать, уместно ставить такой вопрос, тем более что он никогда не ставится в такой категорической форме. И речь будет идти об осетинском языке: каждый говорит о своих недугах, гласит осетинская пословица (алчи йæхи низы кой кæны).

В самом деле, что может потерять мир, если не станет осетинского языка? Попытаемся вникнуть в проблему без излишних эмоций и поверить в возможность найти какой-нибудь выход из создавшейся ситуации.

Язык является отражением всего того, чего достиг народ за время многих веков своего существования. Все, что имеет и знает народ, имеет свои названия. Следовательно, язык народа и его познания, его опыт взаимосвязаны, они не бывают друг без друга. А познание мира, приобретение опыта существования есть результат труда. С того далекого прошлого, когда «труд создал человека»³⁶, труд продолжает учить человека. Чему? Вот одно из определений слова *труд*: «Целесообразная и общественно-полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения»³⁷. Для нашего случая можно предложить несколько иное определение: Труд – это действие, при помощи которого производятся необходимые ценности.

Вот, наконец, дошли до сути. Народ осетинский трудится на протяжении всей своей истории, создавая ценности. А ценности, создаваемые в нашем мире, в конечном итоге являются общечеловеческими. Ценности материальные, но главным образом духовные в самом широком смысле. С отмиранием языка уходят из жизни и ценности, в первую очередь духовные.

Что создал осетинский народ такого, что можно поставить рядом с мировыми стандартами и о чьей потере человечество должно сожалеть? Оказывается, не так мало, чему может позавидовать любой народ. Нам трудно баловать, например, отдельные континенты нашими Багиата или Кармадон (осетинские слова), но доставляем радость многим народам (т.е. человечеству) своими национальными танцами, в особенности легендарным Симд.

В фольклорном мире высоко котируются наши нартовские сказания, которые живы, пока жив их язык.

Коста, как и других великих деятелей искусства, человечество справедливо считает своим. А он – основоположник **осетинского литературного языка**.

Великое множество осетинских пословиц и поговорок – кладезь мудрости и житейского опыта. Так и подмывает привести несколько из них:

Адæм кæй уарзыни, уый Хуыцау дæр уарзы.

Кого любит народ, того и бог любит.

Куыстæн йæ сæр – сынды, йæ бын – сой.

Начало труда горькое, а конец сладкий.

Хорз лæг адæмæн цумæйаг у.

Хороший человек обществу принадлежит.

Сабыр ныхасмæ калм дæр хъусы.

Спокойному слову и змея внемлет.

Хъæд æнæ цæст нæу, быдыр – æнæ хъус.

Лес – не без глаз, поле – не без ушей.

Фразеология осетинского языка многочисленна и исключительно выразительна. Только два примера:

Батрадз йæ чызджы чындзы сарвиты, йæ сæрыл куырой зилы, ды йæ не ндавыс.

Батрадз свою дочь замуж выдает, очень озабочен (букв. *на его голове мельница крутится*), ему не до тебя.

Уый æнæгъдау митæ йæ сæрмаæ нæ хæссы.

Он до неприличных поступков не снисходит (букв. *к голове не подносит*.)

Все это – шедевры творчества народа. А гибель шедевров всегда вызывает чувство неудовлетворенности, сожаления. К тому же шедевры обычно принадлежат всему миру.

Достойно сожаления сознание того, что от умерших языков даже осколков не осталось. Исключение, видимо, латинский язык. Но ему несколько повезло, так как в свое время он был языком науки и литературы в Европе. Да и в наши времена служит источником образования терминологии. Показательно и то, что сохранилось много популярных изречений, употребляемых не только в переводе, но и в оригинале:

Omnia mea mecum porte.

De mortuis aut bene, aut nihil.

Cogito ergo sum.

*Non omnis error sultitia est.*³⁸

Особое место в осетинском языке занимают бесчисленные формулы благих, добрых пожеланий, Это – поздравления, приветствия, тосты, выражения благодарности и т.д. Редко какой язык может сравниться с осе-

тинским. Формулы эти можно признать самостоятельным жанром искусства. Они очень выразительны, душевны, созданы изобретательно: *хорз амонд да хай* («да достанется тебе счастливая доля»); *хурма рацауэнт да сабитæ* («да будут благополучны твои дети»).

Разумеется, не все ценности, добытые осетинским народом, помянуты, да, пожалуй, и необходимости нет в этом. Но о «рядовых» словах нельзя не сказать, хотя это и сложно: мир слов любого языка обширен и очень разнообразен. Характеристика нескольких слов не может показать всю картину словоупотребления в целом. Слова составляют основную часть языка. В осетинском они выступают в качестве источника для исследования истории народа. Не зря писал В. И. Абаев так вдохновенно, что «...язык народа – это его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях... Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ, по древности своей конкурирующий с древнейшими памятниками материальной культуры»³⁹. Такие слова-понятия ценны не только для истории осетинского народа, но и для многих других регионов мира и, естественно, в таком качестве они являются достоянием общечеловеческим.

Вымирание языков – явление не просто отрицательное, оно печальное, ибо это означает трагический конец цивилизации целого народа. Совершенно ясно, что от вымирания языков мир не делается богаче, он становится беднее.

Сегодняшнее положение осетинского языка является следствием контактов на юге с грузинским языком, на севере – с русским. При соседстве двух языков один из них оказывается победителем, другой – побежденным. И это зависит не от характера языка, не от преимуществ его выразительных средств. Ведь «контактируют не системы и структуры, а их носители»⁴⁰, т.е. не сами языки, а народы. Побеждает язык того народа, который преобладает в политическом и культурном отношении.

Статус языка, его функциональная значимость, развитие, изменения – все это зависит от языковой политики, проводимой государством. Если она не отвечает интересам всего общества, возникают требования об ее отмене, потому что в сознании общества язык является символом национального единения. Поэтому народы, борющиеся за свою государственность, за свою независимость, много внимания уделяют языковой политике. Становится популярным лозунг «единое государство – единая нация – единый язык».

Сегодняшняя языковая ситуация в постсоветском мире является как бы продолжением той языковой политики, которая проводилась в СССР с 1922 по 1991 год. Общегосударственная программа культурной революции требовала активного использования родных языков всех народов, и в первое десятилетие советской власти была развернута большая программа языкового строительства. Но в руководстве вскоре стали утверждать, что этнокультурные и национально-языковые проблемы уже решены, и все усилия надо сосредоточить на программах экономического строительства. Некоторые малочисленные народы вообще перестали быть субъектами права национальной политики, а их языки – предметом заботы, защиты. Способом проведения такой политики было насильственное регулирование этнических и языковых процессов⁴¹, а следствием – сужение функций родных языков. Русский язык всегда был обязательным предметом, тогда как родные языки превратились в дисциплины по выбору или попали в разряд факультативных предметов. «Политика, направленная на сужение функционального спектра национальных языков и противопоставляющая их русскому языку, определяется современной социолингвистикой как «языковой империализм», а ее осуществление как «языковой геноцид». Проводимая государством национальная политика привела к явлению, получившему название «языковой нигилизм»⁴². Он имеет две разновидности: во-первых, сознательное ограничение доминирующей нацией сферы языков нацменьшинств и, во-вторых, самоограничение национальных меньшинств в использовании ими своих родных языков. Такое трагическое положение в первом случае объясняется политическими целями партийно-государственной элиты (ускоренное формирование «советского суперэтноса»), а, во-вторых, – полным ощущением бесперспективности, ненужности и даже ограниченности своего родного языка, который является, якобы, причиной снижения социального статуса его носителей. «Казалось, стоит только отречься от своего родного языка, перейти на язык доминирующей национальности, и социальный рейтинг личности должен вырасти». На самом деле такая национальная политика и ее порождение – культурный и языковой нигилизм – разрушали личность. «На разрушительные последствия культурного и языкового нигилизма обращают внимание и специалисты, разрабатывающие лингвистические аспекты современной языковой политики в Российской Федерации (В. Н. Белоусов, В. Г. Костомаров, В. П. Нерознак и др.)»⁴². Предметом подробного анализа стали разрушительные последствия национального нигилизма и в Осетии⁴³. В современной литературе настойчиво указывается на пагубные последствия существующей ситуации. Нельзя сформировать полноценную личность, когда кругом тебя

утверждают, что родной язык ограничен, что второй необходим, чтобы стать полноценным гражданином. Тут происходит страшное – люди начинают стыдиться родного языка, материнских связей, национальности, своей культуры. Оставаясь, конечно, в пределах родного, они не могут избежать конфликтов: ведь собственного унижения никто никогда не забывает, можно забыть обиду, оскорбление, но не самоунижение⁴⁴. Не случайно среди первоочередных мер, которые предпринимаются в целях создания независимых государств на постсоветском пространстве, оказались акты лингво-экологического характера. Попытки преодолеть культурный и языковой нигилизм сопряжены с бурным ростом национального самосознания народов, как в СНГ, так и в Российской Федерации. Поэтому одним из первых актов советских республик в их борьбе за суверенитет было принятие указов и законов о языках.

Со второй половины 1990 г. «реформа языковой политики осуществляется в Российской Федерации. Принимаются законы о языках, где вопросы статуса языка регулируются статьями конституций республик в составе Российской Федерации. В последние месяцы существования союзного государства (25 октября 1992 года) был принят закон РСФСР «О языках народов РСФСР», в котором впервые в истории России провозглашены языковые права народов Российской Федерации, а на государство возложена обязанность обеспечить равные права всех языков на их сохранение и развитие. Этот закон предоставлял право республикам в составе Российской Федерации самостоятельно регулировать языковую жизнь на их территориях⁴⁵.

Чтобы сохранить этнолингвокультурную самобытность народа, необходимо обеспечить языку функциональную полноценность. В советский период истории нашей страны функциональной полноценностью обладал только русский язык. Национальные же языки в выполнении общественных функций были ограничены. Поэтому принятие законов о языках в СНГ и республиках в составе Российской Федерации было вынужденным средством, призванным обеспечить государственную защиту языка основной нации того или иного государственного образования. Придание национальным языкам статуса государственных устраняло их функциональную ограниченность⁴⁶. В результате того, что национальные языки объявлялись государственными, они становились рабочими языками делопроизводства во всех сферах. Разговоры о законах развития имели широкое хождение и раньше, но они имели особый идеологический смысл. Например, понятие двуязычия предполагало процесс дальнейшего стирания различий между нациями, переход нерусских народов на русский язык. Этот переход нуждался во всеобщем и полном двуязычии, т.е.

свободном владении двумя языками. Речь шла о национально-русском двуязычии, а говорить о том, к каким последствиям может привести бесконтрольное насаждение двуязычия, было не принято.

И в этой ситуации по всей «стране советов» расцветала ложная и поэтому вредная эйфория, питавшаяся разглагольствованиями такого качества: «Происходит естественная ассимиляция мелких народов и этнических групп. Находясь в тесных территориально-экономических и культурных связях с какой-нибудь крупной нацией или народностью, они постепенно усваивают ее язык и психический склад... Такое естественное и добровольное слияние мелких народов с крупными социалистическими нациями...имеет прогрессивный характер и содействует строительству коммунизма». И дальше: «Национальные культуры по мере укрепления их интернациональной основы перерастут в единую общечеловеческую культуру. Возникнет объективная потребность в едином языке»⁴⁷.

Учитывать надо объективную реальность, а она подсказывает, что в многонациональном государстве двуязычие неизбежно. В связи с этим языковед профессор Н. Ф. Алифференко в своем фундаментальном труде⁴⁸ высказывает рациональную мысль, что важнейшей задачей языковой политики является разработка программы «гармонизации жизни» родного и второго языка и выдвигает ряд положений, некоторые из которых изложены ниже.

Обращает на себя внимание мысль, что родной язык является первичным орудием речемыслительного познания мира, он совершенно уникальное и незаменимое средство социализированного миропонимания. Поэтому развитие личности следует вести с пятилетним опережением на родном языке. Второй язык можно изучать в том возрасте, когда дети уже способны различать две самостоятельные языковые системы.

Справедливо отмечается, что двуязычие необходимо для нормального функционирования единого народнохозяйственного и политического государства. Следовательно, с ним не только следует мириться, следует признавать его естественным. Но жизненно важно регламентировать его эффективными законами о языке.

Видимо, нельзя согласиться с утверждением, что «полное двуязычие (одинаковое владение двумя языками) – идеологическая фикция». Оно оспаривается ситуацией в Осетии: здесь в массовом порядке владеют не только двумя языками, но во многих случаях и тремя. Часть населения русским языком владеет даже лучше, чем своим.

Гармонизация двуязычия невозможна, – считает Алефиренко, – при его однонаправленности, т.е. при принудительном двуязычии для одних национальностей и поощрении одноязычия других. Поэтому современ-

ному двуязычию пытаются придать двунаправленный характер: начиная с детского сада и школы формировать не только национально-русское, но и русско-национальное двуязычие.

Обнадеживающей для малых народов является информация о том, что «разрабатываются программы развития национальных языков в республиках Российской Федерации, что основным законом существования языков в новой демократической России должна стать языковая толерантность – высокое уважение к иному языку, менталитету, культуре»⁴⁸.

Может быть, к некоторым языкам еще подоспеет спасительная помощь, и они смогут вернуться к прежней полнокровной жизни.

Язык вызывает о помощи. Есть ли какая-либо возможность помочь ему? Сложившаяся ситуация требует, не откладывая, принять радикальные меры с тем, чтобы остановить распад нашего языка и постепенно вернуть ему прежние функциональные возможности. Такая острая необходимость вытекает не только и даже не столько из такого соображения, что каждый народ имеет свой язык и бережет его. Сегодня у нас иная ситуация. Дело в том, что Южная Осетия уже не просто республика, она ценою многих жертв добилась статуса независимого государства. Государство, тем более независимое, не может функционировать без собственного языка, развитого, богатого, жизнеспособного.

Если мы не возродим наш язык, мы потеряем его и перестанем быть той народностью, которою еще называем себя. В нашем независимом **осетинском** государстве ничего осетинского уже не будет. Не станет и самого национального государства. И сделается очевидным, что великие жертвы, принесенные во имя свободы и независимости, оказались напрасными.

Многие наши сограждане давно бьют тревогу, давно раздаются голоса в роде «...было бы интереснее выяснять роль русского языка в активизации самобытных возможностей национальных языков, чем (заниматься) количеством и характером слов, перенесенных из русского языка в национальные языки»⁴⁹. Или глубокий и всесторонний анализ нашего национального нигилизма, произведенный Петром Хозиты⁵⁰. Впрочем, еще Коста восклицал печально: «Иугай ныйистæм, ныууагътам нæ бæстæ» («Разбрелись мы по одному, покинули отчизну свою»)⁵¹.

Существует предположение, что нужно выбрать один из двух путей выхода из создавшейся ситуации.

Первый путь прост и легок: оставить все как есть, пусть язык продолжает сползать по наклонной... Каждому ясно, чем это кончится.

Второй сложен и труден. В общих чертах суть его такова.

Решением руководства Республики создать небольшую рабочую группу (человек пять-шесть), которая, вдумчиво рассмотрев все стороны, все детали проблемы, наметит предварительные и потому предполагаемые рекомендации, приемлемые, мягкие, но эффективные. Эти рекомендации должны касаться школьного образования, роли средств массовой информации в предельно интенсивной пропаганде языка, средств рекламы, преимущественного права родного языка в работе всех организаций, государственных учреждений и т.д. Особое внимание следует уделить нашему телевидению: увеличить время его вещания на родном языке во много раз, ввести дополнительные каналы и обязать вести передачи по языку, литературе, истории, этнографии, по всем вопросам осетинской жизни. Вовлечь в эту повседневную, многогранную работу нашу интеллигенцию, в работу продуктивную и безвозмездную. Наша ситуация такова, что нужно ежедневно, непрерывно звонить в тревожные колокола. Один бесполезный День Языка в году ничего не значит.

Может быть, окажется целесообразным организовать курсы по изучению осетинского языка как для осетин, не владеющих родным языком, так и для представителей других народов. Главное значение такого мероприятия не столько в овладении языком в совершенстве, сколько в появлении зачаточных признаков авторитета языка, уважения к нему. Наш язык сегодня – это язык каких-то аборигенов. Никому он не нужен, ни своим, ни чужим.

Рабочая группа сможет проанализировать множество разноречивых соображений и выработать приемлемые рекомендации.

Здесь намечены лишь некоторые общие соображения. Их реализация должна способствовать созданию такой ситуации, чтобы было неудобно не владеть языком нашего государства, а неосетинам – не владеть хотя бы примитивными азами языка.

В связи со всем этим необходимо сопоставить возможности Северной Осетии-Алании и Республики Южная Осетия в проведении языковой политики. У севера и юга Осетии после приобретения Югом независимости возможности выработать языковую политику разные. Северная Осетия-Алания – субъект Российской Федерации и языковые, экономические, культурные и другие аспекты своей общественной жизни осуществляет в рамках политики и конституции государства, субъектом которого является.

Республика Южная Осетия же располагает статусом отдельного, самостоятельного, суверенного государства. Она имеет собственную конституцию, регламентирующую ее правовые нормативы. В соответствии с этим Республика Южная Осетия вправе строить свою языковую, этническую политику, руководствуясь положениями собственной конституции.

Разумеется, рабочая группа должна быть способна самым тщательным образом учитывать сегодняшние тесные взаимоотношения Республики Южная Осетия и Российской Федерации и предусматривать в своей работе такие меры, которые будут способствовать дальнейшему укреплению этих взаимоотношений. Группа должна строить свою работу на основе того реального факта, что Республика Южная Осетия не может существовать без России, без русского языка. Сложность вопроса заключается именно в этой истине: предстоит найти такие меры, которые обеспечат расцвет осетинского языка и приемлемое функционирование русского. Показательно, что главы обеих частей Осетии и многие члены их команд в совершенстве владеют осетинским языком, и это является надежным подспорьем в деле укрепления позиций нашего родного языка.

Разумеется, все эти предложения являются лишь общими, носят предварительный характер и могут послужить только для ориентировки рабочей группы при принятии окончательных рекомендаций. Другого пути для выхода из создавшейся ситуации не видно.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 11.
2. Газета «Аргументы и факты», 2004, июль.
3. БЕРЕЗИН Ф. М., ГОЛОВИН Б. Н. Общее языкознание, М., 1979. С. 251.
4. РОСЕТТИ А. Смешанный язык и смешение языков. // Новое в лингвистике. Вып. VI, 1972. С. 112.
5. ЛИБЕРСОН С. Новое приложение показателей разноязычия Гринберга // Новое в лингвистике// Вып. VI, 1972. С. 215.
6. РОСЕТТИ А. Указ. соч. С. 118.
7. АБАЕВ В. И. О развитии литературных языков иранских народов Советского Союза // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 76.
8. CHURCHILL W. Beach-la-mar the Jargon or Trade Speech of the Western Pacific. Washington, 1991.
9. ЗВЕГИНЦЕВ В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962. С. 233.
10. АБАЕВ В. И. Указ. соч. С. 77.
11. ИСАЕВ М. И. Осетинский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 138.
12. БЕРЕЗИН Ф. М., ГОЛОВИН Б. Н. Указ. соч. С. 250.
13. ГЛЪБЪРАТЫ Н. Ирон æвзæдзжы функционалон уавæр // Мах дуг. 2009, № 5 (на осет. яз.).

14. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М., 2004. С. 43.
15. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
16. В. И. Абаев писал: «Десятичный счет господствует в учебной практике и в литературной речи, двадцатичный употреблен в обиходе». (Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1958. С. 31). Очерк впервые публиковался в 1950 г. С тех пор, к сожалению, многое изменилось.
17. МОЖАЙКО Н. С., ИГНАТЕНКО А. П. Древнерусский язык. М., 1970.
18. МИЛЛЕР В. Язык осетин. М.-Л., 1962. С. 83.
19. SHANIDZE A. и др. Kartuli enis gramatika. Tbilisi., 1970. С. 25 и след. (на груз. языке).
20. ПАВЛОВИЧ А. И. Историческая грамматика русского языка. Часть II. М., 1964. С. 65.
21. БАГАЕВ Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I. Орджоникидзе, 1965. С. 144.
22. MARTINET A. Elements of General Linguistics. London. 1962. С. 185.
23. СТАЛИН И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 30.
24. ЧИКОБАВА А. С. Введение в языкознание. Ч. I. М., 1952. С. 83; А. МЕЙЕ. Общеславянский язык. М., 1951. С. 260.
25. ИВАНОВ В. В. Историческая грамматика русского языка. М. 1964. С. 191.
26. ДЗИЦЦОЙТЫ Ю. А. Чысайнаг ныхасы здахты цыбыр афыст. Цхинвал, 2008. С. 59 (на осет. яз.).
27. КОСЕРИУ Э. Синхрония, диахрония и история (проблемы языкового изменения) //Новое в лингвистике. Вып. III, М., 1963. С. 163.
28. АБАЕВ В. И. Значение ареальных контактов в истории языков. //Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 6.
29. ПЕРЕТРУХИН В. Н. Введение в языкознание. Воронеж, 1972. С. 196.
30. BROOK G. L. A History of the English Language. 1958. С. 69.
31. БЛУМФИЛД Л. Язык. М., 1968. С. 423.
32. ОЖЕГОВ С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 590.
33. ЗВЕГИНЦЕВ В. А. Указ. соч. С. 168.
34. АБАЕВ В. И. Русско-осетинский словарь. М., 1970. С. 436; Осетинско-русский словарь. Под ред. Т. А. Гуриева. Владикавказ. 2004.
35. ПИРОН К., ГОНЧАРОВА И. Г. Эсперанто. М., 2007.
36. ЭНГЕЛЬС Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Избранные произведения, т. II, 1948. С. 70.
37. ОЖЕГОВ С. И. Указ. соч. С. 751.
38. ПОКРОВСКАЯ З. А., КАЦМАН Н. Л. Учебник латинского языка. М., 1969.
39. АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949.
40. СТЕПАНОВ Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 175.

41. НЕРОЗНАК В. П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1994, т. 53, № 2. С. 18.
42. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Указ. соч. С. 80.
43. ХОЗИТЫ Петр. Национ нигилизмы фæстиуджытæ. Газета «Хурзæрин». 2009, № 67-70. (На осет. языке).
44. КОСТОМАРОВ В. Г. Мой гений, мой язык. М., 1991. С. 45. (Цитир. по Алефиренко. Указ. соч.)
45. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Там же.
46. Там же.
47. ПЕРЕТРУХИН В. Н. Введение в языкознание. Воронеж, 1972. С. 77.
48. АЛЕФИРЕНКО Н. Ф. Указ. соч. С. 84.
49. ГАБАРАЕВ Н. Я. О взаимообогащении языков и втором родном языке // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969. С. 209.
50. ХОЗИТЫ Петр. Указ. соч.
51. ХЕТАГКАТЫ Къоста. Додой.

N. Y. GABARAEV

SOME ALARMING PROBLEMS OF OSSETIAN LANGUAGE

SUMMARY

It is known that thousands of languages are dying on account of bilingualism. Ossetian is among them. It now established that out of two languages the in unfavourable condition dies. Ossetian gives in to Russian. Everybody chooses the language which he considers more useful and he is not to blame for that. As language is means of keeping achievements of the nation over its history, mankind loses something and becomes poorer.

There is written much about bilingualism (multilingualism) in which a number of types of consequences of different contacts of languages are considered. The objective reality suggests that bilingualism is inevitable in multinational country .But it is extremely important to regulate it by adopting effective laws regarding the language.

The programme of development of national languages in the republics of Russian Federation gives hope to small nations. In new democratic Russia the basic law of existance of languages will become tolerance of languages - respect to the other languages, mentality and culture. Ossetian language is in danger and there are two ways out of this situation. The first is to leave everything as it is. The end of it is clear. The second way is difficult. The crux of the matter is as follows. Go set up a working group of 5-6 people which is to consider the problem in detail, to outline ways concerning secondary education, role of mass media and advertising in intensive propaganda of the language, preference of the native language in all the organiza-

tions, state institution, and so on. Special attention should be paid to our television broadcasting; it is necessary to increase the time of broadcasting in the native language, to open an additional channel, to launch programs about language, literature, history, ethnography and so on in a word, highlight all the questions regarding the Ossetian life.

Developing the programme the action group must take into consideration the fact that Ossetia cannot exist without Russia and Russian language and so it is necessary to provide for measures to strengthen relationship between Russia and Republic of South Ossetia.